

РОССИЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – ЧТО НАМ ЖДАТЬ В 2014 ГОДУ?

Юбилейное заседание Международного клуба *Триалог*

11 декабря 2013 г., Москва, Россия

Д.Г. Евстафьев: Моё выступление посвящено проблематике, связанной с состоянием и развитием российских вооруженных сил (ВС), которое я рассматриваю в настоящее время как завершение переходного периода и появления перед российскими ВС целого ряда новых вызовов. Прежде всего я хотел бы отметить некоторые ключевые тенденции в развитии российских ВС, из них я бы особо выделил две: тенденция номер один, которую я считаю ключевой- это резкое повышение приоритетности вопросов, связанных с мобильностью и быстрым развертыванием; тенденция номер два – это рассмотрение вопросов, связанных с ВС, с развитием ВС, как фактора, стимулирования экономического роста страны. На сегодняшний день, однако, обе эти тенденции не приобрели характер безусловного национального консенсуса. Из тех тенденций, которые у нас отмечают, то что называют по-русски «уходящая натура», я бы хотел выделить такой аспект, как существенное снижение приоритетности вопросов, связанных с социальным обеспечением военнослужащих. Безусловно, эта тема присутствует и будет дальше присутствовать в выступлениях всех российских высших должностных лиц, но, согласитесь, на сегодняшний день, в отличие от ситуации 5-6 лет назад, она присутствует как бы ритуально. Я считаю это крайне позитивной тенденцией, т.к. российские ВС возвращают себе статус того, чем они должны быть и прекращают быть просто инструментом обеспечения благосостояния военнослужащих и членов их семьи. Хотелось бы также обратить внимание на несколько геополитических факторов, которые оказывают влияние на развитие российских ВС. Подчеркиваю, что это мое личное мнение.

Прежде всего, хотел бы обратить внимание на такую глобальную тенденцию, как дестабилизация на Ближнем Востоке, которая все больше и больше рассматривается как фактор в российском военном планировании. И, с точки зрения более частных региональных вопросов, это усиление важности вопросов, связанных с военным присутствием, военным развитием в Арктическом регионе. Внизу черным цветом выделены те три фактора, которые, как я считаю, в российском военном планировании на сегодняшний день выражены крайне слабо. Обратите внимание на то, как в последние примерно 1,5 года снизилась напряженность дискуссий вокруг вопросов, связанных с Афганистаном, что я считаю совершенно неправильным, потому что мы недооцениваем в России, в том числе с военной точки зрения, последствия дестабилизации ситуации в этой стране после ухода оттуда американцев. Такова, к сожалению, объективная тенденция. Общий вывод, который я хотел бы сделать, заключается в том, что назначение Шойгу С.К. политически

стабилизировало ситуацию в ВС. Оно было удачным со всех точек зрения, но большая часть пропагандистской организационной выгоды, которая могла быть получена через такое назначение, уже получена. В дальнейшем эксплуатация «эффекта Шойгу» на сегодняшний день является практически невозможной. Необходимо более плотно и более глубоко подходить к вопросам, непосредственно связанным с развитием российских ВС. Хотел бы обратить внимание на те серые зоны в российском военном планировании, которые на сегодняшний день существуют с моей точки зрения. Черных зон, зон абсолютной неопределенности, в российском военном планировании на сегодняшний день нет. Оно достаточно понятно, предсказуемо, если хотите транспарентно, насколько военное планирование может быть транспарентным в РФ. Однако существуют вопросы, в которых развитие будет зависеть от целого ряда факторов, которые предсказать мы на сегодняшний день не можем. Главными вопросами, которые, как я считаю, формируют эту серую зону являются прежде всего отношения с Китаем. Все больше признаков того, что за официальными заявлениями о стратегическом партнерстве начинают копиться двусторонние недовольство и напряжение. В частности связанные с фактической приватизацией нашими китайскими друзьями Шанхайской Организации по Сотрудничеству. Но насколько этот вопрос станет фактором военного планирования, сказать на сегодняшний день не может никто. Второй фактор, который я считаю ключевым, тоже является международным, а не национальным - это вопрос о прямых военных гарантиях союзникам России в рамках ОДКБ. На сегодняшний день эти гарантии существуют прежде всего применительно к гипотетическим ситуациям или к борьбе с терроризмом. Практическая и политическая действительность оказалась гораздо богаче того, что оформил договор. И последний из тех вопросов, на которые я хотел бы акцентировать ваше внимание – это вопрос о судьбе договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД). Безусловно, с точки зрения вопросов военной безопасности РФ, выход РФ из Договора о РСМД является безусловным благом. Однако с политической точки зрения, такой шаг повлечет за собой очень большое количество рисков, которые могут оказаться для России неподъемными. Тем не менее, это вопрос лежит на столе и будет ли он снят со стола будет зависеть не от России. Существует целый ряд проблем, которые будут определять способность России к эффективному использованию ВС как политического и как геополитического инструмента. В данном случае, я хотел бы сказать, что большая часть этих факторов лежит не в международной, а во внутривнутриполитической плоскости. И при всем том, что этот вопрос вызывает в России, в том числе в военных кругах улыбку, значительная часть этих вопросов связана с необходимостью выработки новой системы военно-гражданских отношений. Безусловно, существует такая проблема, как повышение качества персонала ВС, однако она, на мой взгляд, в среднесрочной перспективе не решаема. В российских ВС выросло 1,5 поколения офицеров, которые не знают, что такое нормальные ВС. Что касается тех вызовов, которые стоят перед российскими ВС, то прежде всего я хотел бы выделить вызов устаревшей инфраструктуры, но это краткосрочный вызов. С точки зрения стратегических вызовов я бы хотел выделить вопрос связанный с возможным увеличением влияния идеологии в ВС. Попытки внести государственную идеологию в ВС в действительности приведут к достаточно быстрому

повышению общего уровня идеологизации ВС. И то насколько государству удастся контролировать эти процессы для меня является открытым вопросом. В заключении я хотел бы сказать, что в ближайшие 3-5 лет, как это ни странно, для российских ВС самыми важными вопросами будут вопросы о разработке нового доктринального обеспечения их развития. В российской армии невозможно развиваться ad-hoc на основании того, что в России называется «ручное управление». Я бы высказал практически еретическое соображение, что в настоящее время одной из вещей, которую нужно российским ВС является некое подобие доктрины Каспара Уайнбергера. В 1982г. очень смешной человек, который был министром обороны США сформулировал пять критериев применения вооруженных сил вооруженными силами США в локальных конфликтах. Над ним посмеялись, но до сих пор США воюют именно так.

Е.П. Бужинский: После того, как Дмитрий Геннадиевич рассказал о своем видении будущего российских ВС, для меня было бы логично остановиться на одном из ключевых аспектов этого развития, а именно, на перевооружении российских вооруженных сил. Конечно охватить весь спектр программы перевооружения российских ВС за отведенное мне время малореально, поэтому я остановлюсь только на одном, с одной стороны не очень большом отрезке этой программы, с другой стороны очень важном. Вы знаете, что недавно президент России провел целый ряд тематических совещаний с руководством ВС, с руководством российского военно-промышленного комплекса, и одно из совещаний было посвящено состоянию и перспективам развития беспилотной авиации. Современные беспилотные комплексы являются одним из наиболее эффективных видов роботизированной техники двойного назначения, обладающих высоким инвестиционным потенциалом. Развитие отечественных беспилотных комплексов происходит в условиях, с одной стороны, стремительно растущего спроса на данный вид техники, и с другой стороны, целого ряда технологических и организационных проблем, которые накопились в российском ВПК и российских ВС. В соответствии с утвержденной программой вооружения до 2020г. на развитие беспилотной авиации в российских ВС выделяется более 300 млрд. руб. На данном слайде я попытался показать приблизительный расклад этих финансовых ресурсов: подавляющая часть идет на закупки, но в то же время значительные средства выделяются и на критические технологии и создание опережающего задела - технологического задела. Но это только бюджет Министерства обороны по беспилотным средствам. Растет потребность в них и у целого ряда других ведомств, как мы называем, силовых: это Федеральная служба безопасности, Министерство по ЧС, Министерство Внутренних дел, а также гражданский сектор испытывает большую потребность в беспилотных средствах. Справедливости ради нужно отметить, что в свое время СССР был одним из лидеров в беспилотной авиации, в частности в период с 1976-1989г. только был беспилотник под названием «Стриж» на базе самолета ТУ-141. Этот среднего класса беспилотник был выпущен в количестве более 1000 экземпляров, что является рекордом для этого класса до сих пор. Однако затем наступили 1990-е гг. и случился технологический и организационный провал. И недооценка значения

перспективных беспилотных технологий, промахи в военно-технической политике, субъективизм в принятии решения привел к тому, что в настоящее время РФ выпала из числа лидеров в использовании, разработке и производстве беспилотных летательных средств. Но к счастью ситуация меняется: в последние 6-7 лет этому направлению стало уделяться значительно больше внимания, более того стали выделяться реальные деньги на проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ и на производство беспилотной техники. К настоящему времени в России принят ряд основополагающих организационно-планирующих и нормативных документов в области развития беспилотной авиации. На этом слайде вы видите целый ряд федеральных и концептуальных программ и положения о создании беспилотной авиации, которые заложили организационную основу развития данного вида вооружений. Развернут целый ряд крупных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по разработке и созданию беспилотных летательных средств, по всему спектру их применения: большой, средней и малой дальности. Всего разрабатывается и находится в продвинутой стадии практически опытного производства 9 различных типов беспилотных ЛА.

В РФ в настоящее время основной упор делается на создание беспилотных средств среднего и большого радиуса действия, а также разработке тяжелого ударного беспилотника дальнего радиуса действия «Охотник»- аналог американских беспилотников «Predator» и «Reaper». Работа сейчас проходит в благоприятной обстановке: налажено стабильное финансирование, улучшаются отношения заказчиков и разработчиков беспилотной техники, что было проблемой ещё несколько лет назад. В Генеральном штабе созданы специализированные управления по беспилотной авиации, интенсивно развивается центр боевой подготовки беспилотной авиации в Коломне, функционирует Совет главных конструкторов по комплексам с беспилотными ЛА и межведомственная рабочая группа при межведомственной комиссии при Правительстве РФ. В июне 2013 года состоялся показ беспилотной техники руководству Министерства обороны. На показе было представлено 40 комплексов с беспилотными ЛА, которые представили 22 российских предприятия. Демонстрация показала, что отечественная промышленность накопила значительный научно-технический задел, который, однако, нуждается в систематизации и скоординированном управлении. Сейчас в целях комплексного решения организационных вопросов развития беспилотной авиации прорабатывается вопрос о разработке новой комплексной целевой программы создания беспилотных комплексов на период до 2015г.

Несколько слов о технологических проблемах. Сегодня стало совершенно ясно, что создание перспективных отечественных комплексов с требуемыми характеристиками невозможно без опережающего развития технологии производства. Прежде всего, речь идет о планерах с высокими аэродинамическими характеристиками на базе новых специальных материалов и малой заметности во всем диапазоне волн. Второе - это силовые установки с высокой топливной экономичностью. Малогабаритных, высокоточных навигационных систем с высокой степенью автономности. Малогабаритных датчиков для получения информации, использующих различные физические принципы действия. Специального управляемого оружия для применения с

борта беспилотных средств, в том числе нелетального действия. Стартовых систем и систем автоматической посадки беспилотных средств на ВПП или на палубу корабля. В настоящее время потребность российских ВС в беспилотных средствах до 2015г. оценивается приблизительно в 2000 единиц. Учитывая, что главным в создании беспилотного комплекса является не роботизированный носитель, а совокупность наземных и бортовых средств решения поставленной задачи, в настоящее время значительное внимание уделяется подготовке специалистов-операторов. Проблема нехватки подготовленного персонала является и проблемой США - у них некомплект операторов, в частности в Афганистане, в Ираке, доходит до 50%. Завершая свое выступление не могу не остановиться на ещё одном аспекте оснащения российских ВС современными беспилотными средствами. Прежнее руководство Министерства обороны в качестве одного из направлений определило закупку для нужд российских ВС беспилотных комплексов иностранного производства. Нынешнее руководство Министерства обороны в значительной мере скорректировало ранее принятые решения. Более того новое руководство выделило направление создания отечественных беспилотных комплексов в качестве приоритетного. Опыт эксплуатации тех беспилотных средств, которые были уже закуплены показал что они созданы для действия в определенных климатических условиях и иногда их крайне затруднительно использовать в полном объеме в российских условиях. Те же израильские беспилотные средства, занимающие высокое место в мировом рейтинге по своей электронной начинке и программному обеспечению хорошо показали себя в южных широтах, но вряд ли приспособлены к полетам в условиях низких температур характерных для России. Немаловажен и тот факт, что иностранные производители, у которых российское Министерство обороны закупило образцы беспилотной техники ограничивают бортовое оборудование только оптическими системами наблюдения и не спешат продавать нам современные бортовые радиолокационные станции, комплексы радиоэлектронной разведки и радиоэлектронной борьбы. Соответственно, беспилотные средства оборудованы только оптическими средствами разведки и могут произвести в наших широтах значительно меньше пользы чем это удастся им в частности в зоне Персидского залива.

В.Б.Козюлин: Я буду рассказывать о перспективах военного экспорта. Для того, чтобы заглянуть в будущее давайте посмотрим чуть-чуть назад. Эта таблица демонстрирует динамику экспорта вооружений за последние 11 лет. Красным цветом показаны объемы экспорта одной большой компании Рособоронэкспорт, а общий экспорт отражен синим цветом. Кажется, что взглянув на эту таблицу даже ребенок может предсказать будущий год и год текущий. Но поскольку мне выделили 20 минут я должен о чем-то поговорить. Отмечу, что в 2010г. экспорт вырос на 18%, в 2011 на 26%, и в 2012 на 15%. При этом следует учесть, что это денежное выражение экспорта, не физическое. А денежное выражение – вещь с секретом: каждый год российские экспортеры увеличивают стоимость в валюте на 5 %. Но даже с этой поправкой мы все равно видим динамичный рост российского экспорта вооружений. Другой показатель, более предметный, показывает нам портфель военных заказов. Это

примерный объем будущих заказов, которые ещё не подписаны, но уже имеются в договоренностях, либо в каких-то иных формах. Мы видим, что в этой области также наблюдается определенный рост, который может быть не настолько динамичный, но постоянный. В 2011г. портфель составлял 40 млрд., в 2012г. 41млрд. долл., при этом у Рособоронэкспорта портфель был 36млрд.долл. и в 2013г. портфель составляет более 47 млрд.долл., у Рособоронэкспорта 38млрд.долл. Структура экспорта вооружений примерно стабильна за последние годы: 50%- это обычно российская авиатехника, оставшиеся 50% в примерных пропорциях делят военно-морская техника (30%), системы ПВО (14%), и вооружения сухопутных сил (6%). Это показатели за прошлый год и в этой сфере во второй половине происходят небольшие изменения. Так например Рособоронэкспорт ожидает в текущем году, что экспорт вертолетной техники вырастет на 20% и на 30% вырастет экспорт систем ПВО. Тут стоит упомянуть чем российский экспорт вооружений отличается от экспорта других стран. Российские экспортеры готовы продавать самое новое оружие – не каждое государство себе это позволяет. Более того российские экспортеры производят вооружение на заказ и фактически зачастую экспортируют то, чего не поставляют в российскую армию. Российские оборонщики готовы даже создавать совместные предприятия по производству вооружения и по разработке новых вооружений. Как показало военно-техническое сотрудничество с Ираном и Сирией Россия очень устойчива к политическому давлению, что также является важной отличительной чертой.

Несколько слов о географии российских поставок. В последние годы на первое место в импорте российских вооружений вышла Индия- примерно 40% российского экспорта идет в Индию, следом идут Алжир, Вьетнам и Китай, и в последние годы существенными получателями российского оружия стали Азербайджан, Венесуэла, Сирия. И буквально в самые последние годы большим спросом российское оружие начинает пользоваться в Латинской Америке и странах Африки. В среднем в последние годы Россия поставляет вооружения в порядка 55-57 государств и расширяет географию за счет небольших государств, таких как Республика Фиджи, Ботсвана, Гана, Экваториальная Гвинея. Любопытные тенденции наблюдаются в поставках вооружений в государства ОДКБ. Если в 2011г. объем поставок был 80 млн.долл., то в 2012г. экспорт составлял уже около 500 млн.долл. Причем государства ОДКБ приобретают наиболее современные системы вооружений.

Я попытался продолжить ту таблицу, которую вы увидели на первом слайде. Здесь черным изображен объем экспорта вооружений и красным – государственный оборонный заказ с 2003-2014г. И конечно же между этими цифрами есть определенная связь и сейчас я о ней немного расскажу. Известно, что цифра экспорта за год публикуется примерно в феврале-марте, то есть объем экспорта в 2013г. мы узнаем только через несколько месяцев, но уже имеются предварительные оценки. Так, в середине года В.В.Путин отмечал, что российский экспорт к аналогичному периоду предыдущего года вырос на 15%, то есть та тенденция, которая наблюдается в течение последних трёх лет, в этом году вероятнее всего будет продолжена. Государственные экспортеры ставят перед собой как обычно обязательства чуть выше результатов предыдущего года. Так например Рособоронэкспорт, который в прошлом году добился

результатов 12,5млрд.долл. в этом году поставил себе планку более 13млрд.долл. Из опыта известно, что российские оборонщики стабильно перевыполняют планы. Отдельно хотел бы отметить, что часть гособоронзаказа в последние годы тоже попадает под тот объем, который мы причисляем к экспорту вооружений. То есть я имею ввиду, что часть экспорта вооружений финансируется из российского бюджета. Это примерно 300млн.долл. в прошлом году. Многие наверно помнят, что Россия пообещала военную помощь Киргизстану в размере 1,1млрд.долл. и 200млн.долл. Таджикистану. Известно, что эта помощь уже начинает оказываться республикам и эти цифры конечно же войдут в итоговый отчет российских экспортеров вооружений. Таким образом можно констатировать, что Россия возвращается к советскому опыту оказания безвозмездной военной помощи. И заглядывая в будущий год я бы хотел отметить несколько тенденций, которые уже прослеживаются в нашем военном экспорте. В 2014г. Россия займется восстановлением своих позиций на рынке модернизации и ремонта военной техники. Это не означает, что Россия на этом рынке не присутствует: ежегодный доход от ремонта и модернизации техники для России составляет примерно 2,5млрд.долл. Однако на сегодня в России насчитывается 21 предприятие, имеющее право выходить на этот рынок самостоятельно. В будущем году по инициативе корпорации «Ростех» предположительно ещё 20 предприятий получат такую возможность. То есть это будет право не продавать собственную продукцию, но оказывать услуги по послепродажному обслуживанию, ремонту и модернизации собственной продукции. В настоящее время готовится указ президента, в соответствии с которым предполагается дать право на создание сервисных центров предприятиям промышленности за рубежом, а также на закупку импортной продукции военного назначения, то есть предприятия смогут закупать её самостоятельно, чего они пока не могут себе позволить. Также принято решение активнее развивать совместное производство продукции военного назначения и проводить исследовательские разработки, то есть разрабатывать те вооружения, которых ещё нет. Образцовым примером для России служит совместное производство и совместная разработка крылатой ракеты «Брамос» (Россия и Индия), создание истребителя пятого поколения (также с Индией), но будут примеры, о которых мы услышим в ближайшее время, в Китае в сфере военного судостроения и авиации. В партнерстве с ЮАР планируется совместная разработка ракет, локализация производства артиллерийских боеприпасов, вертолетной и корабельной техники. Ещё одной новизной в производстве и экспорте российских вооружений будет тенденция развития частно-государственного партнерства, то есть привлечения частных инвестиций для разработки вооружений и экспорта за рубеж. Я уже упомянул оказание военной помощи – это также новая особенность экспорта вооружений, к которой Россия будет прибегать и в 2014г. И обращаю внимание на то, что у российских оборонщиков появился новый лоббист, очень влиятельная и популярная фигура, а именно С.Шойгу, который пропагандирует российское вооружение за рубежом, чему мы были свидетелями во время его поездок по Латинской Америке, в Бразилии и в Перу. Таким образом, не смотря на сдержанные оценки экспертов и официальных лиц, мне кажется, что в 2014г. российских экспортеров оружия ждут очередные успехи.

В.А.Орлов: Я думаю, что многие присутствующие здесь прекрасно помнят, что в 1993г. вышел доклад, правда это был доклад не Moscow News Confidential, не мнения нашего клуба. Это был открытый доклад службы внешней разведки России, посвященный проблемам нераспространения ОМУ и тогда впервые там констатировалось, что Иран ведет не только мирные разработки в атомной отрасли, но делался комментарий, что для перехода в оружейную стадию необходимы колоссальные финансовые вливания, серьезные разработки и материалы, к которым Иран в ближайшие 10 лет будет скорей всего не готов. Примерно в 1993г. Бушерская АЭС начала обретать свои очертания тогда ещё в форме контракта России с Ираном и примерно в это же время от Ирана стали поступать заявки в адрес России на строительство тяжеловодного реактора на Каспии, сооружения центрифужного завода, которые были отклонены. 10 лет спустя, в 2003г. можно было констатировать о том, что военная фаза иранских ядерных разработок заморожена. Политическое решение о создании ЯО Ираном так и не было создано, особенно в контексте того, что главный региональный противник Ирак был парадоксальным способом повержен США. И 20 лет спустя, в этом году мы наблюдаем очень высокую дипломатическую динамику вокруг иранской ядерной программы. Как вы знаете, ПИР-Центр всегда не просто выступал за дипломатическое решение вокруг иранской ядерной программы, это была бы банальная фраза, свойственная МИДу, но не негосударственному институту, мы обосновывали то, как следует двигаться на двусторонних и многосторонних треках многосторонних дипломатических отношений, будь то треки Иран-Россия, Иран-США, Иран-Израиль, Иран-Залив, Иран-«шестерка». И конечно без относительного прогноза о президентских выборах в Иране мы выходили на 2013г. с твердым ощущением, что необходима вот эта дипломатическая развязка, мы также обратили внимание, что ещё с прошлого года, примерно 12 месяцев назад, такое же настроение усиливалось и в Вашингтоне.

В марте в Венеции мы провели интенсивные консультации с американскими коллегами, прежде всего представляющими военные ведомства, а также с коллегами из региона, где смогли спроектировать некоторые модели будущего документа и члены клуба «Диалог» об этом узнали одними из первых. Ну а дальше понеслось. Выборы в Иране конечно создали благоприятную внутреннюю обстановку и обстановку на двустороннем американо-иранском треке, точнее ещё лучше создали обстановку на уже удобренной для этого почве, и начиная с сентября, затем в октябре и ноябре уже по многостороннему треку, как вы прекрасно знаете, шла работа, увенчавшаяся пока ещё промежуточным успехом в период с 20-24 ноября в Женеве. Обращаю внимание, что это действительно промежуточное временное соглашение, сам продвинутый характер иранской ядерной программы, структура ядерного топливного цикла, безусловно, обозначают, что текущие месяцы - ближайшие полгода будут периодом максимально интенсивных дальнейших консультаций и переговоров для придания устойчивого характера ноябрьских Женевских соглашений. У нас сегодня здесь не присутствует друг ПИР-Центра, наш недавний докладчик С.А.Рябков, зам.министра иностранных дел, мы его звали, но у него есть уважительная причина- он сегодня в Тегеране вместе с министром иностранных дел С.В.Лавровым, как, вероятно, большинство из вас знает. Но на прошлой неделе он выступал на публичной лекции в рамках

магистерской программы ПИР-Центра на базе МГИМО и на вопрос, что было для него самым приятным сюрпризом в ноябре в Женеве и самым неприятным сюрпризом, он ответил следующее, я готов процитировать, потому что это было публичное выступление: «Самым неприятным сюрпризом было поведение Франции в какой-то момент между октябрём и ноябрём, а самым приятным сюрпризом то, что когда переговорщики, включая министров, сообщили результаты в столице, а именно в Вашингтоне и Тегеране быстро и оперативно одобрили принятые решения». И действительно эта новость хорошая, я понимаю Сергея Алексеевича, потому что 10 лет назад, когда вокруг Женевского озера некоторые гуляли, переговаривались и выработали фактически похожее на то, что сейчас есть, тогда из Вашингтона не поступило политической команды дать «добро» на достигнутые соглашения- 10 лет были потеряны. Но, действительно, хрупко всё до сих пор и вот на экране то, что уже членам клуба знакомо, это предлагаемая последовательность действий двух сторон в двустороннем ирано-американском и многостороннем форматах. Если последовательность где-то будет нарушаться, то предстоят ещё более трудные месяцы, чем сегодня, можно предположить.

Давайте посмотрим на ближайшие 6-12 месяцев, делая очень упрощенные 3 сценария развития событий. Первый я называю сценарием «вперед». Примерно к маю-июню подготовлено всеобъемлющее соглашение с Ираном, упрощающее ту базу, которая сейчас заложена в ноябре в Женеве. Есть такая вероятность. Конечно здесь очень важен региональный формат, потому что именно региональная ситуация либо тянет назад, либо создает более благоприятный фон. Сейчас она противоречива, она в основном тянет назад в силу альянса саудовской Аравии и Израиля антииранского. Конечно, при сюжете «вперед» предполагается, что меры доверия между Ираном и государствами Персидского залива будут упрочены и будет очень интенсивный уже в рамках Ближнего и Среднего Востока диалог между Ираном и Египтом, Ираном и Турцией. Тем не менее на сегодняшний день такой сценарий представляется более романтичным нежели реалистичным. Но если мы рассматриваем сценарий «вперед», тогда для российской дипломатии и для российского высшего политического руководства создаются полностью благоприятные внешние условия для активизации сильного расширения стратегического диалога с Ираном, включая принятие Ирана в ШОС как уже участника этой организации, начало строительства второго энергоблока Бушерской АЭС, развитие атомного сотрудничества и военно-технического сотрудничества, создание предпосылок для не рабочего, а основательного визита президента России в Иран. За скобками этого слайда остается внешнеэкономическая подоплека: при таком раскладе, как он здесь нарисован, цены на нефть начнут падать прежде всего потому что в Ормузском проливе разблокируется потенциальная напряженность. Сценарий «вперед» в таком виде рассматривается как маловероятный.

Сценарий «назад». Опять же, упрощаю ситуацию: Иран срывает переговоры с «шестеркой» или же «шестерка» или некоторые её участники ставят такие условия для Ирана по всеобъемлющему разрешению кризиса, который неприемлем для Ирана – проваливается вот эта временная конструкция. Нарастает напряженность в регионе прежде всего противостоянием в заливе между Ираном и Саудовской Аравией, в определенной степени между Ираном и

другими его соседями по регионам, включая и возможно вооруженную ограниченную конфронтацию. В этих условиях Россия не имеет многих других возможностей, кроме как пересмотреть свою позицию о том, что новые санкции не возможны и начать разговоры о новом раунде санкций против Ирана. Цена на нефть подсаживает так что Государственная Дума даже не представляет насколько можно в бюджет хорошую сумму заложить. Но сегодняшняя ситуация позволяет говорить о том, что этот сценарий не следует рассматривать как высоковероятный, его следует рассматривать как достаточно маловероятный по целой совокупности факторов.

Третий сценарий это конечно традиционный ход аналитиков смешать два сценария и получить некий гибрид, тем не менее здесь именно это и прорисовывается то, что по-русски называется «вперед со скрипом». Идет пикировка вокруг временного соглашения, его исполняемости. Новое соглашение заключается, но и оно не является таким устойчивым как хотелось бы на сегодняшний момент. Напряженность в регионе как в ближневосточном в целом, так и в заливе в частности сохраняется. Ну а что касается России, то при этом смешанном сценарии Россия ведет себя практически так же как при благоприятном сценарии - нам это сильно не вредит активизировать сотрудничество с Ираном, с нынешним президентом и с духовным лидером, поклонником Толстова и Шолохова Али Хаменеи. Последнее и главное, то, что всегда в деталях заключается, то ли дьявол, то ли решение, от чего будет зависеть вообще возможность выработки всеобъемлющего соглашения по ядерным аспектам программы и ситуации вокруг Ирана и что может помешать выработке этого устойчивого соглашения. Если хотите, назовите это просто «мои заметки на полях ноябрьского Женевского соглашения». Первое и самое главное - это вопрос уровня обогащения урана и ограничителей обогащения после временной заморозки, которая есть сейчас. Будут ли эти ограничения? Если будут, то насколько во временном плане и в процентном плане? Или же, если Иран сейчас показывает добрую волю, такие ограничители не могут быть применены, потому что это противоречит ДНЯО. Второе - это судьба тяжеловодного реактора в Араке, не временная его судьба, а постоянная возможность его конвертации в легководный реактор. Здесь нужно провести ещё серьёзную оценку, в чем собственно Арак создает проблемы для режима нераспространения. Третий вопрос чуть более простой. На мой взгляд, иранцы должны были бы ратифицировать дополнительный протокол к соглашению о гарантиях МАГАТЭ, но они это даже 10 лет назад готовы были сделать, но я их тоже понимаю – у них сейчас не так много в запасе козырей, поэтому не будут они сейчас ратифицировать, будут временно применять. Дальше встает вопрос, как они будут применять, что за этим последует – меня это интересует, я сейчас с иранскими своими коллегами как раз интенсивно обсуждаю.

Ну и последнее, я сейчас сделаю страшную штуку, потому что мне надо закругляться, я поставлю серьёзный знак вопроса и как бы вброшу совершенно новую неядерную тему, это носители средств доставки. Потому что это ведь даже выходит на тему никак не связанную с Ираном, а на тему стратегической ПРО. С одной стороны, с точки зрения России, обсуждения не только ядерного, но и ракетного досье Ирана отвечает российским интересам. Не вызывает вопросов, что это отвечает и интересам других участников переговоров с

Ираном. Но вбросить сейчас ракетную часть между промежуточным и постоянным соглашением, не значит ли это перегрузить тот корабль, который и так еле-еле только начинает плыть? Не потонет ли он? В ближайшие недели будем думать об этом – у нас в ПИРе предстоит серия встреч с иранскими коллегами (двусторонняя встреча), с американскими коллегами (двусторонняя встреча) в Швейцарии в январе и затем в региональном формате в Бангкоке в феврале. Если придумаем что-нибудь интересное, обязательно доложим членам клуба Триалог.

М.В.Якушев: Я постараюсь очень кратко рассказать о той теме, которая напрямую не очень связана с предыдущими выступлениями, но в связи с последними событиями приобретает всё большее значение, особенно в свете того насколько глубоко в проблематику информационной безопасности сейчас начинает быть погруженным ПИР-Центр. Сначала немного фактов, которые послужили началом оживленной международной дискуссии о том, каким должен быть интернет, как он должен управляться, а применительно к нашему внутреннему вопросу, каковы здесь должны быть национальные интересы РФ. Сноуден, находящийся сейчас на территории России успел в процессе своего бегства из США оставить для распространения через СМИ обширный архив секретной информации о деятельности АНБ. Каждая информация подтверждает крупномасштабные программы отслеживания активности в различных сетях электросвязи, включая Интернет, и фактически это было подтверждено самими американцами, когда было заявлено, что указанная деятельность не является противозаконной по законодательству США и не направлена против американских граждан, а против иностранцев. Сразу же оказалось, что среди подобного рода иностранцев такие традиционные союзники США как ФРГ, и конкретно прослушивались звонки федерального канцлера, а также таких стран, которых никак не отнесешь к числу стран-изгоев, как Бразилию, где речь шла о прослушивании президента Бразилии Русеф и, скажем, отслеживании деятельности крупнейшей бразильской компании Petrobras. Выяснилось также, что в подобного рода операциях участвуют и другие американские союзники и это послужило например внесению проекта резолюции ГА ООН, который подготовили Бразилия и ФРГ. И все это послужило причиной очень оживленной дискуссии о том, как управлять сетями электросвязи и каковы здесь пределы национального суверенитета и пределы вмешательства в деятельность этих сетей и контроль за тем, что по сетям передается. Единственное уточнение: является ли все это какой-то неожиданностью? Очевидным образом для экспертов в этой области ничто из вышесказанного особым откровением и неожиданностью не стало, но конечно многие из сообщенных деталей вызывают очень большой интерес. С тем, чтобы сократить, ограничить вопрос тот, который мы сейчас обсуждаем, я хотел бы его фактически перевести в плоскость двух вопросов, которые можно выразить сленгом тех, кто давно работает в сфере коммуникации, их жаргоном, а именно, является ли сообщенное Сноуденом «багом» или «фичей», иначе говоря является ли это результатом какой-то случайной ошибки или использования каких-то уязвимостей, или присуще самой структуре того, что мы называем интернет. Если это то, что мы называем «багом», то в этом случае фактически речь идет о

преследовании лиц виновных в произошедшем, и принесении извинений по дипломатическим каналам. Однако, если это является «фичей», то есть, то, что сделало Агентство по национальной безопасности стало возможным только благодаря существующей структуре интернета, тогда, действительно, есть очень большие проблемы у каждого из нас. Пока окончательного ответа на этот вопрос, как вы понимаете, нет. И когда мы говорим в этой связи о предлагаемых или необходимых изменениях в структуре международного управления Интернетом, мы должны рассмотреть несколько аспектов этой проблемы. Что касается функционального, интернет состоит из нескольких уровней и на каждом из этих уровней, будь то система телекоммуникаций, система адресации доменных имен, система приложений и непосредственных услуг, существует свое собственное регулирование. Единого подхода быть не может. Институционально речь идет об очень большом количестве организаций, как международных, межправительственных, так и не являющимися международными, которые так или иначе вовлечены в этот процесс. И наконец на принципиальном уровне подобного рода проблемы могут быть урегулированы без того, что мы называем принципом участия всех заинтересованных сторон, включая государство, бизнес и гражданское общество. И здесь необходимо отметить, что например, в отличие от вопросов, связанных с ядерной безопасностью или вопросов, связанных с военно-стратегическим развитием нашей страны, именно по вопросам, связанным с Интернетом, серьезно расходятся позиции части российских ведомств, российского бизнеса, российского гражданского общества. Я лишь перечислю те вопросы, которые с точки зрения произошедшего этим летом разоблачения Сноудена, требуют с точки зрения как российского государства, так и большинства экспертов, некоего срочного решения. Защита неприкосновенности частной жизни - privacy, передача ключевых функций управления Интернетом некой организацией новой, либо существующей, но не той, которая занимается сейчас этим по соглашению с правительством США, допустимость или целесообразность так называемой суверенизации интернета, необходимость заключения международного универсального договора на эту тему, и наконец, недопустимость распространения или нераспространение кибероружия. На протяжении многих лет вопрос, который был так остро поставлен в результате разоблачения Сноудена на наш взгляд был чрезмерно политизирован и в этой связи на протяжении многих лет не удавалось договориться даже о терминах. То, что во своем мире называется кибербезопасностью или недопустимостью распространения киберпреступности, российский МИД, российские силовые ведомства предпочитают заменять эвфемизмом, «международной информационной безопасностью». И в этой связи попытки договориться о чем-либо блокировались на протяжении многих лет. К счастью, в этом году удалось пойти на компромисс и появились первые документы двустороннего и многостороннего уровня, которые говорят о безопасности использования информационно-коммуникационных технологий. И видимо подобного рода компромиссы возможны повсюду, в том числе по совершенно практическим вопросам, которые требуют решения, в первую очередь это защита privacy, борьба с киберпреступностью и создание глобальной системы идентификации в сети. И последнее, соответственно, что нас ждет в ближайшем будущем, в 2014

г. Во-первых, это предложенная Бразилией Конференция по управлению Интернетом, апрель, г. Сан-Паулу, во-вторых, это продолжение распутывания ситуации, сложившейся после прошлогодней дубайской конференции Международного союза электросвязи, которая породила двойственность урегулирования, когда большинство развитых стран мира не поддержали российский вариант международного регламента электросвязи (International Telecommunication Regulations), хотя большинство государств мира, представленных в Дубаи с этой позицией согласились. Ну и наконец, это другие площадки, включая подготовку очередного этапа всемирной встречи на высшем уровне по информационному обществу, которые будут использованы для обсуждения сложившейся ситуации и внесения изменений в действующие процедуры управления интернетом. Чем же это все может закончиться, какой можно сделать прогноз? К сожалению, без изменения позиций РФ в направлении отказа от конфронтационного подхода по тем вопросам, о которых мы говорили, без вовлечения российских независимых экспертов и представителей российского бизнеса, выработки российской национальной позиции по данному вопросу, выработки единой позиции, которая бы устроила российское государство скорее всего ожидать не приходится. И в этом случае следующий год будет годом интенсивных многословных обсуждений. И наоборот, в случае активного поиска компромисса, то, что произошло в 2013г. позволяет нам с оптимизмом смотреть в будущее и достичь тех целей и добиться решения тех проблем, которые являются общими для нас и, соответственно, позволят прекратить те негативные моменты, которые были выявлены разоблачением Сноудена.

Г-н Маслин: У меня два вопроса к Д.Г. Евстафьеву. Нельзя ли чуть более подробно сказать о договоре РСМД? В вашем выступлении прозвучало то, что этот договор «лежит на столе» и выйдет Россия из него или не выйдет, это зависит не от России. Несколько мне не понятно. И здесь же такой вопрос: не считаете ли вы, что это будет шагом вперед или назад к «холодной войне»? Второй вопрос: в выступлении прозвучало, что в России изменилась ядерная стратегия. Нельзя ли чуть подробно прояснить, в чем изменения в ядерной стратегии или это по-прежнему сдерживание, т.е. жизнь на грани обоюдного страха, или что-то другое?

Д.Г. Евстафьев: Я начну с ответа на второй вопрос. Я никогда не говорил, что в России изменилась ядерная стратегия. Я говорил о том, что изменение российской ядерной стратегии является настоятельной необходимостью. В частности я считаю, что настоятельной необходимостью является выработка подходов к применению ЯО в дозированном и одиночном варианте. Давайте исходить из того, что ЯО является реальным внешнеполитическим и военно-политическим инструментом только там и тогда, когда оно имеет реалистичную стратегию боевого применения. Если этого нет, то давайте сэкономим деньги на хранении столь опасного груза.

Теперь что касается первого вопроса про договор о РСМД. Я абсолютно с вами согласен в том, что будет шаг в направлении «холодной войны». Вопрос

заключается в том, насколько вот этот конкретный шаг в направлении «холодной войны» будет иметь значение в той системе международных отношений, в которой мы будем жить через пять лет. И если он будет иметь значение, то я бы насчет договора о РСМД подумал бы, а если дела пойдут так, как они идет сейчас, то об этом даже никто думать не будет, потому что через три года мы уже будем жить в состоянии новой «холодной войны». И будем мы жить с договором о РСМД или будем жить без договора о РСМД в этой «холодной войне», не будет иметь никакого значения, ни для кого, кроме России. Потому что чем более неуверенно будут себя чувствовать партнеры в Европе, тем более склонны они будут к экзальтированным действиям, а к сожалению, поведение Европейского Союза в столице Украины пока не внушает мне исторического оптимизма.

Е.П. Бужинский: Я не могу не добавить. То, что сказал Дмитрий Геннадиевич, я с ним не согласен полностью в отношении ЯО. Это очень спорный тезис, что оружие бесполезно, если оно не имеет внятной стратегии боевого применения. ЯО - это оружие сдерживания, это больше политическое оружие. Потому что боевое применение, особенно стратегического ядерного оружия - это уничтожение нашего прекрасного земного шара. К счастью лидеры наших стран пришли к логичному выводу, что Землю достаточно уничтожить один раз – не обязательно её уничтожать десять раз. Поэтому произошло снижение ядерных потенциалов России и США. И когда я говорил о ряде тематических совещаний, которые президент провел по Гособоронзаказу, одно из них, самое важное, было посвящено развитию стратегического ядерного оружия, поэтому позиция нашего руководства, Дмитрий Геннадиевич, с вашей полностью не совпадает: ЯО будет оставаться на вооружении российских ВС, будет совершенствоваться и развиваться.

К.П. фон Эггерт: У меня вопрос к господину Якушеву по поводу российской позиции в Международном союзе электросвязи, урегулированию Интернета. Вы сказали, что необходим вклад, необходима работа с гражданским обществом, с бизнесом для того, чтобы изменить позицию российской власти. У меня два вопроса в одном. В каком направлении можно было бы сдвигать эту позицию, потому что насколько я понимаю, на сегодняшний день позиция России в Международном союзе электросвязи это позиция довольно жесткой суверенизации Интернета и разделения по национальным квартирам? И второй вопрос в связи с этим: как в условиях, когда по значительно менее острым политическим вопросам, чем урегулирование Интернет с гражданским обществом не особенно советуется, как это можно осуществить в нынешних условиях. Кто захочет это осуществить?

М.В. Якушев: Хорошая новость заключается в том, что позиция России в общем-то меняется. Если мы внимательно посмотрим тот документ, который был поддержан Россией в Дубаи, но не был поддержан большинством развитых стран, мы можем при внимательном анализе убедиться, что там нет ничего плохого, что каким-то образом ущемляло бы развитие интернета. Но именно то,

как объяснялось принятие такого документа и вызывало столь активное его отторжение. Интернет - это транснациональная сеть, и поэтому те, кто работают, зарабатывают деньги и пользуются этой сетью, предлагают двигаться в направлении большего здравого смысла. Вводить принцип суверенизации в таких условиях нужно с очень большой осмотрительностью. Наиболее известные на международном рынке российские компании, связанные с Интернетом, ну например Лаборатория Касперского, занимаются тем, что называется киберпреступностью, предотвращением вирусных атак и т.д. И вчера на одном мероприятии, кстати говоря ПИР-Центра, мы были свидетелями как представители МИДа обвиняли фактически представителей Лаборатории Касперского в том, что они занимаются не тем, что правильно называть международной информационной безопасностью, они занимаются кибербезопасностью, а это не профессионально или политически некорректно. И конечно избегать подобного рода терминологических недопониманий в этом смысле я как раз и называю это «двигаться в направлении здравого смысла», что и позволит найти общий язык с нашими зарубежными партнерами.

К.П.фон Эггерт: И мой второй вопрос: с какой стати правительство будет кого-то слушать?

М.В. Якушев: Наше государство является демократическим в соответствии с Конституцией, которое должно учитывать интересы тех граждан, которые составляют основу для российского так сказать принятия политических решений, поэтому я не вижу здесь каких-либо институциональных проблем.

А.Ф. Зульхарнеев: Некоторое время назад мне казалось, что что-то не очень серьезное происходит на Украине. Но потом началось что-то более серьезное. Дайте пожалуйста вашу интерпретацию данной ситуации на следующие два месяца.

Д.Г. Евстафьев: Вообще-то я являюсь последним человеком, которого нужно спрашивать в России про Украину. Моя позиция стабильна примерно с 1989г. и она мало кому нравится. Я считаю отделение России от Украины величайшим благом для моей страны. У нас в Киеве сейчас Майдан, да? Люди, которые собираются на Майдане называются по-русски «майданщики». Кто знает, как переводится слово «майданщик» на литературный русский язык? Слово «майданщик» переводится на русский как скупщик краденого. Вы даже не представляете у себя в ваших странах как эта вся Украина здесь надоела. У меня есть студентка с Украины. Она пыталась на лекции во вторник озвучить что-то про Майдан. Я преподаю в Высшей школе экономики. Это цитадель либерализма в нашей стране. Так вот я даже рот не успел открыть как её «заткнули» студенты сами. Студенты самого я бы сказал последнего либерального ВУЗа в нашей стране. Вы даже не представляете, сколько людей может начать протестовать, если Украину все-таки примут в Таможенный союз.

В.А.Орлов: Я скажу то, что планировал сказать с самого начала. Я думаю, что сегодня мы приоткрыли немножечко для вас здесь нашу внутреннюю кухню ПИР-Центра. Обычно вы всегда слушаете наших внешних докладчиков, о которых можно сказать, что да, это «decision maker», да, это крупный эксперт, но он совершенно не отражает точку зрения ПИР-Центра. Мы их приглашаем специально для этого. Сегодня вы прослушали доклады, сообщения моих коллег в ПИР-Центре и в «пировской» команде. И даже начало нашего «тура» вопросов и ответов показательно, потому что два моих коллеги по «пировской» команде сказали друг другу «я не согласен». Вообще, я думаю дальше это могло продолжаться, но приоткрывая ещё больше нашу кухню, я должен сказать, что в этом и есть смысл нашей организации: мы работаем, спорим, и может быть не истина рождается в споре, но по крайней мере хотелось бы думать, интересные, полезные умозаключения и рекомендации. Именно благодаря нашему негосударственному неправительственному и независимому статусу мы можем на протяжении 20 лет позволить себе спорить, рекомендовать российскому правительству, другим правительствам, руководителям международных бизнес структур, выступать в СМИ как представители ПИР-Центра без всякой единой позиции в ПИР-Центре. И какой бы ни был в России климат для неправительственных организаций, я убежденно должен сказать про 2014г.: это будет продолжено.